

18+

Sergey Stoletov

История Донского Казачества

История Донских Бунтов.
Книга 2

Sergey Stoletov
История Донского
Казачества. История
Донских Бунтов. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70561171
ISBN 9785006276215

Аннотация

На семи ветрах судьбой развенчанный, Под распятым беркута
в степи, С шашкою булатной я повенчанный, Господи, помилуй и
спаси... (из казачьей молитвы...)

Содержание

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА	5
От ГЕНЕЗИСА до ГЕНОЦИДА	6
КНИГА 2	7
ГЛАВА 1	8
ОТНОШЕНИЯ КАЗАКОВ С КАЛМЫКАМИ	8
ГЛАВА 2	14
С ПЕТРОМ ПЕРВЫМ ПОД АЗОВ	14
ГЛАВА 3	34
Основные причины	35
Конец ознакомительного фрагмента.	64

История Донского Казачества История Донских Бунтов. Книга 2

Sergey Stoletov

© Sergey Stoletov, 2024

ISBN 978-5-0062-7621-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-4737-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

От ГЕНЕЗИСА до ГЕНОЦИДА ИСТОРИЯ ДОНСКИХ БУНТОВ

КНИГА 2

*На семи ветрах судьбой развенчанный,
Под распятием беркута в степи,
С шашкою булатной я повенчанный,
Господи, помилуй и спаси...
(из казачьей молитвы...)*

ГЛАВА 1

ОТНОШЕНИЯ КАЗАКОВ С КАЛМЫКАМИ

После того как в 1671 году домовитое казачество пленило и подвергло казни Степана Разина все казачество поголовно присягнуло на верность Московскому царю. У казаков, как и прежде, стали тянуться кровопролитные годы изнурительной борьбы с их исконными врагами; турками, крымчаками, ногайцами, черкесами, а так же с набирающей силу калмыцкой ордой. Первое время, прикочевавшие к Задонью в середине 17 столетия хитрые и вероломные калмыки ладили с казаками и даже выступали неоднократно совместно с ними против татар, но пройдет немного времени и калмыки, освоившись в Приволжских степях, сделаются настоящим бичом для казачьих станиц и городков. В то время когда казаки по царскому наставлению отвлекались по служебным делам с Дона, большие орды калмыков, выбирая, тем самым удобное для грабежа время нападали на казачьи поселения, резали жителей, жгли селения, грабили имущество, угоняли скот, лошадей и невольников. Калмыки сами по себе, по природе, люди весьма жестокие. Жестокость их прояв-

лялось в первую очередь по отношению к пленным, не зависимо от их пола и возраста, они подвергали захваченных ими нечеловеческим мучениям, побоям и издевательствам. Возвращающиеся с военных походов казакам, находя свои селения разоренными и выжженными, ничего другого не оставалось, как нападать калмыцкие улусы в ответ и месть их была страшна и беспощадна. Позднее калмыки стали объединяться для совместных действий против казаков с крымчаками, ногайцами и черкесами, что значительно увеличило общую численность и так десятикратно превышающих вражеских сил. При чем калмыки к тому времени уже считались подданными России и при ответных действиях казаков обращались за защитой к царским воеводам, которые в свою очередь с позволения царя применяли к донцам строжайшие военные меры.

После того как Россия заключила долгожданный мир с Польшей, царь стал всерьез рассматривать варианты нападения на Крым и Азов. Для этих целей он повелел казакам и калмыкам объединиться, и укрепить своим личным составом отряды стрельцов направленного к ним воеводы Хитрово. К лету 1673 года в Черкасском городке собралось, порядка 10 000 тысяч донцов туда же прибыл и царский воевода Хитрово, примерно с 5000 тысячами служивых людей. Там же к ним должны были присоединиться и калмыки, но их предводитель вероломный, Аюка – Тайша хитрил, оттягивая свое появление, в надежде поживится казачьим

добром, когда те выйдут из городка в поход. В августе соединенные русские отряды выступили из городка Черкаска. Воевода командовал царским полком, над казаками верховодил наш знакомый из первой части книги, а именно атаман Карнило Яковлев. Вследствие непривычных к военным тяготам и длительным переходам служивых людей, множество из них разбежались по дороге, а некоторые просто умирали от болезней либо лишений связанных со сложностью в походе. Таким образом, практически весь отряд воеводы растаял по дороге так и не успев вступить ни в одно из сражений. Казаки поговаривали, что царские ратные люди не в помощь, а в сущее Божие наказание. Поняв всю бесперспективность своей затеи, царь приказал казакам начинать постройку защитных крепостей по гирлам Дона. Казаки в свою очередь до царя следующее; что они по натуре своей не горододержцы, отсиживаться по крепостям у них нет ни навыка, ни желания, драться они, и любят и умеют в чистом поле, грудь на грудь, с каким угодно превышающим их по численности врагом. Позднее вместо неспособного Хитрово к Черкасску прибыл новый царский воевода Хованский с 3000 – м отрядом вновь мобилизованных. К тому времени казаки уже давно поняли, что оперативность и расторопность являются чуждыми качествами для всей царской администрации и действенной помощи дожидаться, не получится, и к 1675 году организовали самостоятельный поход в Крым. А именно 300 отборных казаков, под предводительством Фрола Мина-

ева, объединившись со знаменитым запорожским атаманом Иваном Серко, пройдя сухим путем через Перекоп, внезапно ворвались в Крым. Ими был разбит крупный отряд крымских татар, разорено множество поселков и городков, нагрузившись вдоволь добычей, казаки удачно возвратились обратно в Россию. Вероломный и подлый калмыцкий предводитель Аюка – Тайша получая к тому времени от Московского царя крупное жалование, начал вести тайные переговоры с Крымским ханом о переходе в его подданство со всей многочисленной своей калмыцкой ордой. В свою очередь, сам Крымский хан в целях безопасности не решался подпускать к себе в Крым хищные и многолюдные калмыцкие орды, поэтому само подданство как Аюки – Тайши так и других тайш со всеми их улусами отклонил.

В 1682 году в России взбунтовались ее подданные башкиры и чуваша. К ним примкнул и Аюка со своим братом Замсою и еще с 40 000 тысячами воинов. Восставшие разграбили город Уфу и множество поселков. Отряд казаков под предводительством Любима Архипова поспешили к Царицыну. Узнав там от захваченных в плен калмыков, что Аюка кочует в районе Урала, а его союзники, которые нападали на Уфу, продолжают грабежи русских городов по Волге. Казаки, скрытно подойдя к неприятелю и напав на них из засады, разгромили вражеские кочевые стоянки, а спустившись по Волге ниже до Астрахани, нанесли сокрушительное поражение и мурзе Ишею Ишнирину. Затем разделившись на два

отряда, один из которых под командованием старшины Сергеева обосновался на зимовку в Красном яру, провел зиму в непрерывных боях с осаждавшими его калмыками и татарами. Другой отряд, под предводительством непосредственно атамана Архипова, всю зиму отстаивал от калмыков город Царицын. С наступлением весны, калмыки, сняв осаду города и надобившись никаких результатов, откочевали в Волжские степи. Как только в начале 1683 года казаки вернулись на Дон, Аюка – Тайша рассчитывая на многочисленность своих кочевых отрядов, начал грабительские набеги на волжские города. Без каких либо задержек, на Волгу был отправлен сильный отряд казаков под начальством атамана Максима Лашеного. Казаки по прибытию оперативно заняли все важные стратегические пункты, куда изначально намеривались, нападать мятежные калмыки, нарушив тем самым их вероломные калмыцкие планы.

В 1680 году Россия заключила мир с Турцией и Крымом, а из Москвы казакам пришел царский указ строго запрещающий нападать на крымчаков и азовцев. Позже татары и турки, видя отсутствие отпора со стороны казаков, настолько обнаглели, что во время мирного перемирия стали громить казачьи городки. Этого донцы не в силах были простить и, не смотря на царские запреты, 1000 казаков с атаманом Корнеем Матвеевым вышли из Черкаска. Только к лету 1686 года казаки получили позволение от царя нападать на турецкие и крымские владения. Позволение то было встречено

среди донцов с величайшей радостью. Беспрерывно стали снаряжаться морские и сухопутные отряды, которые врывались и в Турцию и в Крым, неся с собой только лишь горе побежденным. В такой обстановке, представляющей собой сплошную кровопролитную картину и на суше и на море пребывало в ту пору все Донское казачество. Мало того, что казачество участвует во всех военных конфликтах учиненных царем Московии, так они ведут и самостоятельные боевые действия и набеги на Азов, на Крым и на саму Турцию, так еще и ведут войну с калмыцкой ордой, объединенных под предводительством врага казаков Аюки – Тайши. Множество славных подвигов совершено за это время Донскими казаками, и пересказать их все не предоставляется возможным, но в большинстве случаев неравной, ожесточенной борьбы за жизнь, казачество выходило победителем. В столь ратных трудах и заботах наступил и 1695 год.

ГЛАВА 2

С ПЕТРОМ ПЕРВЫМ ПОД АЗОВ

Как известно из раннего повествования истории Дона, казаки уже несколько раз брали и отдавали неприятелю обратно столь важную турецкую крепость – Азов. Само обладание этим укреплением, замыкавшим собой выход в два моря, имело жизненно необходимое значение для стратегической обороны всего Московского государства. Еще в далеком 1635 году казаки оповещали царя, « Если бы Государь повелел нам взять Азов, то прекратилась бы литься кровь христианская, а православные люди не изнемогали бы в рабстве у неверных. И мало того и сам Крым и степные ногайцы склонились бы под царской властью. В свою очередь, царь не то что бы поощрял взятие казаками Азова, но наоборот строго настрого запрещал это делать и чуть – ли, не в каждой своей царской грамоте свой запрет дублировал. Тем не менее, казаки на свой страх и риск захватили Азов, и пять лет владели сей крепостью. За все это время царской властью было сделано ровным счетом ничего для того чтобы укрепить и оставить за собой столь важнейший в государственном плане форпост. Казаки были вынуждены оставить крепость, об этом мы уже повествовали в предыдущих главах

книги, но в новой главе просто необходимо сконцентрировать внимание на этом столь важном факте еще раз. Ведь сами печальные последствия отдачи туркам крепости Азов весьма велики и неисчислимы как для Донского казачества, так и для всего государства Российского в целом. Турки, крымчаки, ногайцы и целые полчища степных кочевых народов, все сильнее стали укрепляться по устьям Дона. Русская кровь стала литься еще обильней, русские городки все чаще стали пылать огнем и русскими невольниками стали набиваться трюмы турецких галер при отправке их на рынки для невольников. Через некоторое время московское правительство осознало допущение столь важной ошибки по оборонно-способности государства, но было уже поздно. Азов, вновь отстроенный по последней инженерной технике, укрепленный и гарнизоном и артиллерией представлял собой непреступную крепость. Завоевать ее и утвердить за государством Российским удалось только новому царю Петру, но с величайшим трудом и с многочисленными жертвами. Как только молодым царем Петром был задуман поход на Азов, он сразу прибег к маневрам, а именно вот в чем они заключались. Около 120 тысяч старой царской армии под командованием Бориса Шереметьева были отправлены в спешном порядке к низовьям Днепра к турецким крепостям. Новые же Петровские отряды, иноземного образца, состоящие из Преображенского, Семеновского, Бутырского и Лефортовского полков в количестве около 32 000 тысяч военнослужа-

щих предназначалось для захвата Азова. Петр намеривался во что бы то не стало скрыть продвижение русских полков под Азов, рассчитывая хоть на какой то фактор внезапности. В самом же Черкесске, 16 марта 1695 года, была получена царская грамота в которой сообщалось следующее; Мною Государем было поручено быть на Нашей службе на Дону генералу Нашему Петру Гордону, с солдатскими и стрелецкими полками. Собраться им повелеваем в Тамбове, оттуда идти на Хопер, с Хопра на Дон в Черкесск. Тебе же войсковой атаман Фрол Минаев, как и всему войску, Донскому быть поддержкой нашим ратным людям. Ваша задача держать сие мероприятие в секрете и как можно дольше, чтобы о нем неприятель не прослышал. Да и сам указ пусть останется в тайне, что бы кроме тебя атамана и твоих старшин о нем никто на Дону и не знал. Однако само царское желание оставить столь масштабное мероприятие в тайне не осуществилось по причине того, что все тот же Аюка – Тайша разпознав о задуманном русском походе, немедленно поставил в курс азовского бея. Сам же царский призыв на Дону был встречен с неописуемым восторгом, подвижные и быстрые в воинских делах казаки в самое кратчайшее время уже были готовы к походу. Поднялось массу народу практически со всех городков и станиц, оставалось лишь дожидаться царского генерала и выдвигаться на ненавистную крепость. Драгоценное время шло, а царских войск все не было, как и вестей о них. Старинная традиционная особенность Моск-

вы, а именно нерадение к государственным делам и ужасающая медлительность даже при столь молодом и деятельном царе играло с ним злую шутку судьбы. Опытный с кипучей энергией Донской атаман Фрол Минаев, лучше, чем кто иной знавший истинное положение дел, негодовал и ругал Московский бюрократизм, на чем свет стоит. По всем многочисленным южным степным дорогам были разосланы казачьи разъезды для собирания оперативной информации о движении и намерениях неприятеля. Было извещение, что крупный турецкий флот поставил в крепость Азов дополнительный личный состав для укрепления гарнизона, а также дополнительное вооружение и провиант, а о русской рати ни слуха, ни духа. Наконец, ближе к концу июня атаману стало известно, что к Черкасску подходить передовой царский отряд под командованием Гордона. Атаман со своими верными старшинами выехал посольством навстречу московскому войску. Встретившись, генерал передал атаману царское установление, а именно присоединятся к корпусу Гордона и выдвигаться под Азов. Атаман как и старшины сказали, что все они рады исполнить царскую волю, но идти под крепость со столь незначительными силами пользы не принесет и не лучше ли дожидаться подхода основных воинских сил, ведь и так благоприятное время упущено и, что поспешностью уже ничего поправить нельзя, а вот навредить общему делу наоборот можно. Рассудительный генерал Гордон мнение казаков поддержал, но послушаться царского ве-

ления не решился и двинулся к Азову. По мере продвижения войска, казаками были захвачены важные языки из самой крепости, которые сообщили, что в ней находится порядка 6 000 тысячный гарнизон и на подходе еще три крупных корабля. Но тут ситуация благоволила Гордону в принятии им самостоятельного решения, так как было доставлено послание от царя Петра. Он приказывал занять удобный, безопасный лагерь и не предпринимая никаких дальнейших действий дожидаться его Величества прихода. Вскоре прибыл и сам царь, а еще немного погодя и две основные его осадные армии. Крепость Азов была взята в правильное, плотное кольцо осады. Таким образом, армия Головина составила правое крыло, сам генерал Гордон занял центр, Лефорт расположился на левом фланге, а Донские казаки в численности около 7 000 тысяч человек заняли все пространство от армии Лефорта и до самого моря. О взятии крепости с ходу не могло быть и речи. Из – за общей медлительности и волокитства о внезапности не могло быть и речи. Турки весьма обстоятельно подготовились к осаде, значительно увеличив артиллерию и гарнизон. Поэтому двухнедельное непрерывное бомбардирование существенного вреда, как самой крепости, так и ее обороняющим не принесло. Зато татарская конница доставляла массу хлопот основным царским силам, препятствуя подвозу продовольствия в основной лагерь при реке Койсуге в 15 верстах от самой крепости. Доставлять же провизию по реке так же не представлялось возможным, так

как по берегам Дона были выстроены турецкие Каланчевские башни, вооруженные пушками, а через саму реку были перекинuty огромные железные цепи для того чтобы воспрепятствовать прорыву вражеских судов в морские просторы. Было просто жизненной необходимостью первоначально захватить эти самые башни, чтобы появился шанс в развитии дальнейшего успеха. Как рассказывают нам дневники участников тех событий, а именно записи самого генерала Гордона и Лефорта, а так же на основании донесений резидента Священной Римской Империи, Плейера, которые свидетельствуют о том, что это трудное и опасное дело было выполнено одними казаками, без привлечения царских солдат. Сам царь стал подбирать отряд добровольцев из казаков, набралось их порядка 200 человек. На самом рассвете казаки – охотники, тихонечко переплыв широкий ерик, подкрались к башенным воротам и прицепили к ним бомбу. Последовал взрыв, но ворота устояли и были по прежнему надежно заперты. Тогда разгоряченные до победы казаки бросились к ближайшей амбразуре и стали расширять ее ломami и кирками еще мгновение и казаки уже внутри башни. Началась методичная, кровавая работа саблями и кинжалами по уничтожению себе подобных. Турки были отрезаны от своих основных сил, и их безвыходность дополняло им в той схватке отчаянья, и дрались они с ожесточением. Говорят, что, не смотря на столь ранний час, в который произошел бой за башню, сам царь едва мог сдерживать свое вол-

нение, ожидая донесения о результате разыгравшейся кровавой драмы. По итогу, башня была захвачена, только 15 турок сдалось в плен, остальные либо погибли в рукопашном бою, либо, бросившись с высоты, разбились о каменистый берег. Этот первый частичный успех воодушевил все Петровское воинство и доставил радость всем, неописуемую. Но радость была не долгой и уже на следующий день чудом не произошла катастрофа масштаба всей военной операции. Один из перебежчиков, наемный матрос с русского корабля, сообщил азовскому коменданту следующее, что русские войска в дневную жару после обеда спят и это время является самым удобным для нападения на них. И действительно когда русский лагерь погрузился в дневной сон, турки осторожно вышли из ворот крепости. Убедившись, что в русском стане все крепко спят, разведка дала знать основным силам. Те не мешкая стремительно ворвались в лагерь и произвели страшную в нем резню, при этом смогли увезти около десятка полевых орудий, а так же пока не были оттеснены обратно к себе в крепость успели перепортить все осадные машины. Вот, что об этом случае пишет сам генерал Гордон; « Стрельцы и солдаты рассеялись по полю с такой поспешностью и в таком паническом страхе, какого я в жизни своей не видывал. Только подоспевшие с царем Петром его полки смогли спасти от окончательного и полного поражения все наши основные войска. Сам Государь был весьма недоволен и зол на стрелецких полковников, а войско быстро

пришло в большое уныние. Но казаки все продолжали поражать своим личным мужеством и вселять в сердце простого солдата надежду на победу. На следующий день, сосредоточив обстрел из всех найденных в захваченной башне пушек, они открыли такой ураганный обстрел, соседствующий с ними башней, что начальствующий в ней, не видя возможности дальнейшего ее удержания, ночью вывел с нее весь гарнизон, оставив казакам еще одну башню и порядка находящихся в ней 20 —ти пушек. Но сама бомбардировка хоть и велась со всех сторон, но по-прежнему мало вредила самой крепости. Приближались осенние холода со слякотью, дождями и испорченными дорогами. Необходимо было либо предпринимать экстренные и чрезвычайные действия, либо снимать осаду. Собрался военный совет, на нем царь Петр, высказался за немедленный штурм Азова, его поддержали и Головин и Лефорт. Дальновидный и осторожный Гордон, не боясь перечить царю, называл сию идею весьма безрассудной и опрометчивой. Он приводил довод того, что вести солдат на крепкие, утыканные пушками стены, в которых не пробито ни единой бреши, это все равно, что вести солдат на верный убой. Того же мнения придерживались вызванные на совет донские атаманы и старшины. Тем не менее, царской волей было принято решение – штурмовать. Всех участвующих в штурме разделили на три основные колонны. Царская артиллерия была крайне слаба и не подготовлена и первый штурм, предпринятый 5 августа, не удался.

Проведенные иностранными наемными инженерами подкопы, так же оказались не удачными. Из наметившихся успехов в штурме, можно лишь отметить, что одна из трех колонн состоявшая из солдат Тамбовского, Бутырского полков и казаков – охотников овладела одним из угловых бастионов, но другая колонна действовала вяло и не смогла поддержать первых в развитии ее успеха. В том бессмысленном штурме русские потеряли порядка 1500 тысячи человек только убитыми, турецкие же потери не превышали и 200 человек. Второй штурм, проведенный 25 сентября, не отличался удачей от первого. Вялые, безынициативные, унылые налеты – атаки, а так же неумелые подкопы лишили в те дни русскую армию многих мужественных солдат и офицеров. Наступила осенняя распутица, дороги раскисли, подвоз провианта и вооружения, становился максимально затруднительным. В войсках ощущалась нехватка в элементарных продуктах питания и в теплой амуниции. Все эти обстоятельства вынудили царя Петра снять осаду крепости Азов до весны. Единственным и важным результатом всей военной операции можно считать взятие двух башен вдоль Дона. Их переименовали в Новосергиевскую охранную крепость, в них был размещен царский гарнизон в количестве 3000 тысяч солдат под командованием воеводы Ржевского. В течение нескольких дней в самом конце сентября, русская армия, скрытно снимаясь, по ночам со своих позиций стала отступать вглубь России к Валуйкам на зимние кварти-

ры. Все обозы и пушки были отправлены на хранение в Черкасск, а донским казакам было велено оказывать самую сильную помощь Новосергеевской крепости в случае нападения на нее турок.

Царь Петр, после своего первого, неудачного похода не отчаивался, а старался учиться на своих же ошибках. Во – первых, он для себя уяснил, что без сильного флота и поддержки с моря крепостью ему не завладеть. Поэтому в ту же зиму, с величайшей энергией и поспешностью в Воронеже было начато строительство русского флота. С середины мая следующего 1696 года царь Петр со своим передовым отрядом на первых своих кораблях был уже у казаков в Черкасске. Во избегании раздоров и несогласованностей в командовании и управлением войска, был назначен один командующий, а именно Алексей Шеин. Под непосредственным наблюдением неугомонного молодого царя, на борт судов грузились пушки, снаряды, а так же всевозможные припасы оставшиеся еще с того года. Примерно в то же время, казачий дозор со станичным атаманом Леонтием Поздевым, наблюдавший за морским побережьем заметил на море два больших турецких корабля. В ночь атаман был уже с донесением в Черкасске и об этом знал Петр. Решение было принято мгновенно, турецкий флот должен быть атакован. К вечеру следующего дня царский флот, под сопровождением казачьих струг был уже в районе Новосергеевской крепости. Как только стемнело, казаки на своих лодках стали

спускаться к морю, за ними на 9 —ти галерах следовал царь Петр. К несчастью всей операции, дул северо — восточный ветер, так еще и вода в протоках спала. За несколько верст до впадения Дона в Азовское море, тяжелые и неповоротливые царские галеры, нагруженные личным составом, пушками и снарядами плотно сели на мель. Казаки же на своих стругах свободно прошли по мелководью, и вышли в море. Петр метался и рвал на себе парик в клочья, но людям пусть и даже Великим не дано влиять и обуздывать природные стихии, поэтому, недолго думая царь, перебрался в одну из казачьих струг и продолжил движение. По приближению к крепости и к всеобщему изумлению на море напротив Азова стояло не два турецких судна, как было сообщено ранее, а целых тринадцать больших вооруженных военных турецких кораблей. Вступать в открытый бой с целой армадой на одних легких лодках было бы отчаянным безумием и обречением себя и людей на верную гибель. Огорченный и в конец, расстроенный Петр, оставив казачью флотилию при устье реки Каланчи для наблюдения за турецким флотом, отправился в Новосергиевск. Не полностью оснащенные и вооруженные царские галеры с неопытным экипажем только на другой день вернулись в Новосергиевск и встали напротив башен на якорь. С грозным турецким флотом один на один осталась только жалкая на вид казачья флотилия, состоящая лишь из речных легких суденышек. Днем на глазах у казаков около 500 янычар сделав высадку на бе-

рег и никем не потревоженные, благополучно вошли и скрылись за крепостными воротами Азова. Как зверь перед лицом страстного охотника, именно такое чувство испытывали казаки при виде янычар. Правда врагов много, враги намного превышают их и кораблями и вооружением, но разве им впервой идти против многократно превышающего врага, разве впервой с саблей и самопалом в руках одерживать блистательные победы и отнимать у врагов корабли? Не попытать ли счастья и в этот раз? Ведь только смелым Бог владеет! И не им, ли, православным донским витязям, ежедневно смотрящим прямо в глаза черной смерти, боятся ее?! Так, а тут еще по близости молодой царь – орел! Он своей исполинской, немного несуразной фигурой, своей искренней смелостью, простотой в быту и общении в сочетании с прирожденной своей царственностью покорил бесхитростные казачьи сердца. Они являлись прямыми свидетелями его огорчений и неудач под Азовом и его огорчениям, и как бы им хотелось его хоть самую малость порадовать. Казаки выступили с предложением к своему войсковому атаману.

– Да не, уж то мы такой случай упустим? – говорили они. Басурмане прямо сами к нам в руки живьем лезут, а мы стоим, курим в сторонке?!

Удачливый и известный по своим сухопутным и морским подвигам пожилой атаман, не меньше своих молодых товарищей горел, ярим желанием сразится, единственным сдерживающим его удаль фактором, являлся царский приказ,

в бой не ввязываться, а лишь скрытно наблюдать за действиями противника. Но не смотря на все царские запреты, расчетливый в боях и горячий по темпераменту, обладающий даром военного предвиденья, дед – атаман отдал приказ изготавится к бою и ждать его специального сигнала к его началу. После минутной радости начались томительные часы ожидания, самые сложные и мучительные минуты перед боем для любого война. На турецких кораблях наблюдалась деловая суeta. С них на малые турецкие тумбасы сгружались многочисленные бочки, сабли, бомбы, амуниция прочие продовольствие. Уже вечерело, когда 13 груженых транспорта – тумбаса сопровождаемые легкими ушколами с вооруженными янычарами стали отчаливать от крупных кораблей по направлению к крепости. Как только весь этот транспорт поравнялся с устьем реки Каланчи, атаман подал знак к атаке. Гребцы только этого и ждали и дружно, разом налегли на весла. Струги с легкостью азовских чаек, стройным порядком вынеслись в открытое море на водный простор. Невероятно дерзкий и внезапный налет казаков так ошеломил недоумевающих турок, что те не успели еще опомниться как десяток груженных тумбаса оказались в руках нападавших и страшные казаки уже гнались за судами сопровождения и меткими выстрелами расстреливали растерянных янычар. Турки знали не понаслышке, с казаками шутки плохи, эти бородатые шайтаны в миг подскочат к деревянным бокам их кораблей, топорами их прору-

бят и отправят весь экипаж на дно глотать соленую воду или возьмут судно крюками на абордаж и полетят в море как кочаны капусты их срубленных казачьей саблей правоверные в чалмах головы. От метаящихся в ужасе транспортных малых судов турецкая паника передалась и на большие корабли. Там началась такая суматоха, что вместо того, чтобы подготовить и навести корабельные пушки, там стали поднимать, якоря желая в спешке уйти подальше в море. Казаки груженные добычей стали отходить к своему лагерю, отправив в Новосергиевскую гонца с известием о своей победе.

По этому случаю у генерала Гордона в его дневнике есть следующая запись: «около 10 часов утра Государь зашел ко мне и рассказал, что видел на море не менее 20 кораблей и огромное число грузовых лодок и велел своим галерам вернуться обратно. Его Величество был в унынии, скучен и грустен. Ближе к обеду Он вернулся уже в приподнятом настроении и рассказа радостное известие, что накануне вечером казаки напали на весь турецкий флот и разогнав его удачно вернулись с пленными и захваченным провиантом».

Петр, остался, крайне доволен отважными действиями Донских казаков, и распорядился оставить им себе всю отбитую у врага добычу, кроме военных боеприпасов. По свидетельствам, в том стремительном морском бою турки потеряли только сгоревшими и утонувшими порядка 2000 тысяч человек. На отбитых казаками судах было обнаружено около 50 тысяч червонцев, а так же порядка 70 медных пушек,

около 80 бочек с порохом.

Сама эта малая победа над турецким флотом в лице 1000 донцов имела громадное тактическое значение в общем деле по захвату главными силами российской армии крепости Азов. Сам царский флот явно опоздал и не смог не только одержать победу, но и попросту заблокировать флот турецкий, дабы противоборствовать подвозу вооружения и продовольствия. Да, исходя, из неопытности русских моряков и общей слабости оснащения молодого царского флота, об этом не могло быть и речи. Сам же разгон турецкого флота привел к их растерянности и основные его корабли еще долго не решались показываться в зоне видимости береговой линии. Именно это важное обстоятельство позволило выиграть столь важное на любой войне время. Успели прибыть главные царские вооруженные силы и основная его флотилия, состоявшая из 22 галер. Вновь прибывшие сухопутные войска по численности около 10 000 тысяч человек под командованием Регимона без каких либо проблем заняли свои же брошенные в прошлом году траншеи. 4000 тысячи Донских казаков под командой отважного атамана Лукьяна Савинова расположились на левом фланге осадной армии по левому берегу Дона. Турки на первых порах предприняли вылазку, но особого успеха она не имела, так как жестоко побитые казаками были оттеснены обратно за крепостные ворота. С 7 июня осадная русская армия плотным, тесным кольцом обложила крепость Азов и началась ее бомбарди-

ровка, причинявшая ей в принципе, мало какого – то особого вреда. А вот подошедшая из степи многочисленная татарская конница под предводительством Нурадин – султана стала проявлять энергичность, по де блокаде крепости постоянно тревожа нападениями основные царские части. Обстрел крепостных стен, как и стрельба с высоких насыпных земляных валов, особо не продвигали дело вперед. Казаки же наконец измученные столь нудной волокитой событий и надоевшей им до боли московской медлительностью, у себя на совете порешили брать инициативу в свои мужественные руки и покончить с ненавистной турецкой крепостью раз и навсегда. Они отправили царю послание с просьбой дать им возможность вести приступ по казачьи, «по своему». Нетерпеливый до результата царь Петр крайне не довольный ходом событий не стал противиться и дал им на то свое царское разрешение. Как раз к этому времени под Азов в подмогу к казакам подошел крупный отряд малороссийских казаков. По договоренности, рано утром 17 июня, с разных направлений атаманы повели бойцов на штурм. Казаки ринулись с такой решительностью и быстротой, что за несколько минут передовой турецкий отряд был, сбит и смят с крепостного вала и беспощадно разя отступающих, казаки чуть не ворвались за ними в каменный замок, но были остановлены шквальным огнем с высоких каменных стен. Потеря множество убитыми под оружейным огнем с крепостных стен, казаки отошли от вала и залегли в угловом бастионе. Тур-

ки, выйдя из крепости, напали на казаков, и завязался ожесточенный рукопашный бой. Царские военачальники, выходя из первоначального своего оцепенения, подкрепили казачий отряд пехотой. После долгого и упорного шестичасового боя удалось загнать неприятеля опять за крепостные стены, а из самого бастиона вывезти захваченные у неприятеля пушки и оставить за собой валовую стену и одну башню. Петр, похвалив казаков за проявленное мужество и за отменную храбрость, повелел всем войскам готовиться, к общему, большому штурму. Тот бой данный казаками 17 июня не прошел для турок даром и, взвесив свои силы, комендант крепости на следующий день отправил в русский стан парламентаря. Заявление его было следующим: «крепость готова к сдаче русскому царю в том случае, если всему гарнизону будет позволено выйти в полном своем вооружении, со всем имуществом, женами и детьми. Петр, не мешкая, согласился и выполнил все предложенные ему турецкой стороной условия. 18 июня крепость Азов пала.

После падения Азова, царь Петр находился в его стенах еще около месяца, лично контролируя и распоряжаясь работами по его обустройству и дополнительному укреплению. Перед его выездом, в самой крепости был оставлен сильный, многотысячный гарнизон с множеством артиллерии, оставленный русский флот расположился по всему устью Дона. Великому войску Донскому было дано царское распоряжение в случае нападения на крепость, не медля всеми сила-

ми оказывать помощь его гарнизону. По итогу взятие крепости Азов, как пишет историк Соловьев, принадлежит к числу тех немногих торжеств, которые должны сильнейшим образом поражать народное воображение. Взятие Азова в то время считалось первым торжеством над страшными, могучими турками. Еще свежо было в памяти народа разорение турками Чигирина на глазах у всего русского войска. И взятии Азова как нельзя к стати пришлось для воодушевления и веру в силу, и мощь русского оружия над турецким. Обстановка в дикой степи, как ее видели казаки старожилы, так же изменилась коренным образом. Крымские татары были вынуждены прекратить свои разорительные набеги на русские окраины, калмыки и ногайцы были вынуждены не на словах, только ради своей выгоды, а именно на деле признать свое подданство русскому царю. Но значимей и резче завоевание крепости Азов сказалось на вчерашних победителях, а именно на всем Донском казачестве. Донцы, отвоевавшие с большими для себя потерями Азов, были полны надежд, что с его падением рушится и преграда столько лет препятствующая для их свободного выхода в море. Распахнутся те ворота на просторы, которые турками были закрыты для казаков на долгое, долгое время. На деле же вышло, ровным образом да наоборот. Государство завладевшие воротами к Азовскому морю, заперло их от казаков навсегда. Грянули первые государственные преобразования, загоняющие некогда вольный и свободолюбивый казачий дух в пол-

ную вассальную зависимость от центральной царской власти. Прежде того Всевеликое войско Донское существовало как независимая боевая община, зачастую и не согласовывавшая свои действия с интересами самого Московского государства. Теперь же все казачье войско, включая свои частные интересы, всецело было подчинено интересам и пользе Москвы. Да и само Московское царство уже было не столь удалено от окраин Дикого поля, как это бывало в прежние времена. Теперь государство, как разросшийся густой лес, так близко придвинулось к своим степным окраинам и настолько окрепло, что всякие своевольные действия со стороны казаков с позиции централизованной власти душилось на корню.

Таким образом, исходя, из исторических фактов само время завоевание Петром Великим крепости Азов по исторической справедливости следует считать началом конца самобытного и самостоятельного существования вольного Донского казачества, как и концом, собственной, независимой истории Донского казачества. После тех событий, вольный образ казака, стал неминуемо трансформироваться в сословие спаянное в единое целое с государством. Жизнь на Дону в корне менялась и прежняя вольная и свободная жизнь донцов, с их лихими походами за «зипунами» канула в лету. Нужно было меняться и приспосабливаться к переменам, ища себе пропитание иным путем. Легко сказать меняться, но как это возможно выполнить практически тому племени

которое до того как ничем кроме войны не занималось, ничего другого не умея делать, да и ко всякому ремеслу, кроме ремесла воина относилась с презрением. Как меняться если еще совсем недавно в 1690 году, на всеобщем войсковом казачьем кругу было вновь утверждено старинное войсковое постановление: «бить и грабить того, кто осмелиться заниматься земледелием»?!

Те переходные к мирной жизни годы в казачьей памяти именуются как самые черные печали и самая беспросветная пора. Плевались казаки от службы с царскими войсками под командованием напыщенных воевод, не понимавших казачьего духа и будучи далекими от способностей и сноровки рядового казака.

В 1700 году с Турцией был заключен мирный договор, и донцам было строго настрого запрещено воевать с турками, как и с татарами. Началась Северная война со Швецией и основные силы Донских казаков вместе с царскими полками ушли на не приветливый север и там своими смелыми действиями проявили доблесть, героизм, многократно подтверждая свою преданность царю и своему Отечеству.

ГЛАВА 3

ВОССТАНИЕ КОНДРАТИЯ АФАНАСЬЕВИЧА БУЛАВИНА 1707 -1708гг.

В 1707 году на Дону разгорелся страшный казачий бунт, именуемый в Российской истории как Булавинское восстание или восстание под предводительством Кондратия Булавина. Постепенно зажимая и все усердней подчиняя себе казачьи уклады и традиции, московское правительство на протяжении долгого времени требовало, а позднее и стало запрещать Донским казакам принимать у себя беглых людей, и приказывало выдавать всех беглецов. Великое войско Донское, опираясь и руководствуясь своим священным правом «с Дону выдачи нет» таких людей выдавать властям не спешило. При царе Петре правительство стало переписывать всех беглых людей по казачьим городкам и выдворять их на прежние места их жительства. Такая перепись населения и стала одной из основных причин или катализатором к началу казачьего бунта, во главе которого и стал станичный атаман из Бахмута, Кондратий Афанасьевич Булавин, смелый и лихой казак. Само восстание как началось, так и в большей степени продолжилось на территории области войска Донского, но в него были вовлечены и районы, прилегающие к землям Войска Донского.

Основные причины

Природные богатства и доходные промыслы Донского края привлекали к себе не только беглых из центральной России, на привольные Донские земли устремлялось и духовенство и помещики, что русские, что украинские. Еще с давних пор монастыри на летнее время высылали своих крестьян на ловлю рыбы по берегам Дона. К 17 веку светскими и духовными феодалами успешно и довольно таки плотно были заселены Воронежский и Тамбовский край. К началу века 18, крестьян становится больше и им там становится тесновато и помещечье – монастырская колонизация, как ее именовало большинство советских историков, при поддержке царского правительства стала надвигаться на Дон, оттесняя беглое население все дальше в верховья Дона и к его основным притокам, Хопру, Бузулуку и Медведицы. Немного позднее владения крупных тамбовских землевладельцев князей Репниных, бояр Романовых и Нарышкиных стали соприкасаться с землями донских казаков. По реке Медведице, служилым людям стали раздаваться вотчины «дачи». В Борисоглебском уезде были сплошь помещичьи деревни. Само наступление феодалов помещиков на земли казаков постоянно сопровождалось мелкими с ними стычками и столкновениями локального характера.

С 1701 года Посольский царский приказ стал отправлять

на Дон, войсковым атаманам грамоты следующего содержания: «сказать казакам городка, что хоперские вотчины епископа ныне отписаны на Великого государя и чтобы казаки в лесные уголья и рыбные ловли этих вотчин не въезжали и шкоды никакой там не чинили, в реках и озерах рыб не ловили, в лесах на зверя не охотились и пчелиных роев не выдирали, леса не рубили и скотины в те уголья не пускали». Примерно с 1704 годов начались открытые столкновения казаков с крестьянами. Так несколько вотчин было отдано на оброк торговому человеку Ивану Анкудинову, где начались постоянные стычки из – за спорных с казаками вотчин. Казаки Пристанского городка предъявили документы на эти земли и потребовали, чтобы Анкудинов со своими людьми их покинул. Тот отказался, тогда казаки приехали вновь сформированную деревню с названием Русская поляна и учинили ему казачий круг. Казаки потребовали, чтобы все крестьяне со своими женами детьми и пожитками убирались с казацкой земли. Самого Анкудинова били и угрожали «кинуть в воду», завладев его вотчиной и разными находящимися там припасами. Из – за растущих сословных разногласий столкновения стали происходить все чаще. Так стычки казаков стали частыми и с азовскими жителями и с «зимовыми» солдатами из крепостного гарнизона. Одно время казаки не давали им ловить рыбу в низовьях Дона, тогда те стали писать челобитные просьбы в Москву, что не могут выезжать далеко на рыбные промыслы по соображениям лич-

ной безопасности. Правительство стало на их сторону, а вышедший в скором времени царский указ, запретил казакам заниматься рыбной ловлей в приазовской местности. Наиболее крупное столкновение интересов произошло на Бахмутских соляных промыслах. Там Донские казаки еще издавна, как говорилось «исстари» владели крупными угодьями по рекам Бахмуту, Красной и Черному Жеребцу. Постоянно в той местности донцы не жили, но бывали там наездами и лишь на, то время когда добывали для своих нужд соль. Позднее те земли царской волей были пожалованы полковнику Изюмского полка Шидловскому и конфликт не заставил себя ждать. Начались открытые столкновения казаков с Дона с представителями Изюмского полка из – за добычи соли. Сами изюмцы стали жаловаться на казаков, что те их из городка выселяют, бьют, отбираю имущество, разоряют жилища и отобрали у местных все соляные варницы. Правительство вмешалось в эту распрю и распорядилось составить подробную опись всего Бахмутского городка, всех его соляных заводов и переписать всех его жителей. Позднее было установлено, что Изюмский полк действительно имеет жалованную царскую грамоту от Великого Государя на урочища расположенные по указанным выше речкам. Донские же казаки наезжают в эти угодья, без каких бы то ни было документов, и пользуются солеварнями, полагаясь лишь на право предков. На этом основании было решено спорные с солеварнями земли, оставить за Изюмским полком, а казаков

с Дона туда и вовсе не пускать. Такими административными мерами казаки были полностью отстранены от столь выгодного и так нужного в хозяйстве промысла на Бахмуте. Сей акт царского правительства вызвал бурю негодования и протеста по всему Дону.

В 1705 году отстроенный Бахмутский солеваренный завод был полностью разорен и сажён казаками. В это самое время в русской истории и появляется имя донского атамана Кондратия Афанасьевича Булавина организовавшего и возглавившего бунт возмущившихся соляных добытчиков и всю окружную голытьбу, в основном кормившиеся за счёт заработков на соляных промыслах. Со следующего 1706 года все Бахмутские соляные промыслы были отписаны на имя самого Государя Петра и переданы в управление Семеновской канцелярии его Величества. На Бахмут был прислан приказной дьяк Алексей Горчаков с поручением описать все убытки, понесенные с пожаром соляных варниц. Донские казаки не только не допустили Горчакова к описи, но и держали его некоторое время под арестом.

К тому времени, как мы писали выше, казачество только формально оставалось не зависимым от правительства и находилось в ведении Посольского приказа. Финансовая политика также стала накладывать ярмо на некогда вольную и беспощинную торговлю Донского казачества. Так, в Посольский приказ, было направлено обращение, с просьбой упорядочить, сбор пошлин с Донских казаков приезжающих в Аст-

рахань и Царицын с товарами. Так при новых Петровских преобразованиях некогда вольный Дон оказался сосредоточением острых столкновений и противоречий. В этом кипящем от накала страстей котле, переплелись и спутались интересы всех слоев и сословий. Были затронуты традиционные интересы и старого родовитого низового казачества и права и свободы новых верховых казаков и беглого, угнетенного крестьянства, а вместе с ними и корыстные интересы феодалов — помещиков, и духовенства, и правительственных административных чиновников пытавшихся держать все эти нити разнородных интересов в своих цепких руках и по своему усмотрению пытаться контролировать всю эту кипучую людскую деятельность. В общем, к самому началу 18 века, на юго — востоке государства сложились все предпосылки способствующие в полной мере к тому, чтобы классовый антагонизм смог принять открытую форму вооруженного восстания.

2 сентября 1707 года в главный город Донского казачества Черкасск, прибывает царский полковник Ю. Долгорукий, собираясь с Черкасска начать розыск беглых и устроить перепись всего городского населения, для уточнения количества старых казаков. Войсковой атаман Лукьян Максимов со старшинами отклонил перепись, как и сыск новопришлых в самом Черкасске, вручив Долгорукому своего рода оправдательный документ, в котором подробно излагалась причина в недопущении царского полковника к розыску в админи-

стративном центре Войска Донского. Содержание того письменного отказа было следующим: «в самом Черкасске учинять розыск пришлых людей не возможно, так как до сего времени от Великого Государя на то указа никакого не было, как и не было указа на то, чтобы пришлых людей с Руси на Дон не пускать». Таким образом оградив сам Черкасск от переписи местных и розыска беглых, войсковой атаман со своим старшинами оказали полную помощь и поддержку Ю. Долгорукову в поисках беглых и новопришлых людей вверх по Дону и по его притокам прикомандировав к его отряду знатных старшин. Общая численность царского отряда прибывшего на розыск была около 200 человек, атаман выделил к ним семь старшин и с ними порядка ста рядовых казаков. В таком составе, 6 сентября отряд полковника Долгорукова двинулся по Дону в верховые казачьи городки. Прибыв в Мелихов городок, где Долгорукому удалось задержать порядка 20 беглых людей, он разделил свой отряд на четыре равных группы и разослал их по разным направлениям для дальнейшего сыска. Одну из групп отправленную по Хопру возглавил капитан Н. Тенебеков, а другую отправленную по Бузулуку и Медведице капитан С. Хворов. Сам полковник Ю. Долгоруков отправился с оставшимся отрядом уменьшившемся примерно на половину вверх по Северному Донцу. Пройдя в таком составе десяток новонаселенных городков, он снова отделил от основного отряда группу и с двумя офицерами во главе отправил их далее вверх по реке. Та-

ки образом отряд полковника дробился, а негодование и общее возмущение населения связанное с переписью и сыском усиливалось не по дням, а буквально по часам. Сама деятельность происходила следующим образом, полковник переписывал по станицам и городкам всех наличных старых казаков, саму опись казаки заверяли своими руками, так составлялся список старожилов. Все новопришлые, таким образом, были на лицо и так же заносились в особый список, после чего вместе с семьями под конвоем отправлялись туда, откуда они переселились. Как сам полковник, так и его младшие командиры вели себя с местным населением крайне грубо и даже жестоко. Так капитан С. Хворов ведя розыск по Бузулуку и Медведице пройдя порядка 30 населенных пункта и выслав новопришлых на прежние их места проживания на обратном пути в станице Алексеевской на Бузулуке получил от полковника Долгорукова послание повернуть обратно и возобновить поиски более усердней, так как количество задержанных тот посчитал неудовлетворительным. Хворову пришлось выполнять приказ и возвращаться, за что он впоследствии и поплатиться своей головой. Позднее у полковника Долгорукого иссякли ресурсы в конвойных отправлять всех задержанных пришедших, а наличие их все увеличивалось. Поэтому он стал оставлять пришедших в станицах «до указа». Вероятнее всего полковник, и сам стал, понимать в какие, опасные обстоятельства он сам себя загоняет и какую гремучую смесь из возбужденных и озлобленных людей

считавших себя уже новоиспеченными вольными казаками, он оставляет вокруг себя. При столь накаленной обстановке царский полковник, потомственный князь Юрий Долгоруков дошел с отрядом до Шульгинского городка находящегося на речке Айдар. Карательные отряды Ю. Долгорукова производили розыск именно «новопришлых людей», тех, же, кто проживал на Дону более десяти лет и считающих себя казаками старались не трогать. За самой же формулировкой «новопришлые люди» подразумевались различные слои населения со всей территории огромной уже к тому времени страны. Под этими скобками скрывались и служилые люди, и бывшие мелкие посадские служащие, и беглые крестьяне, будь то помещичьи, либо царские, либо монастырские, и бурлаки, и вновь набранные в рекруты солдаты. К началу 1700 года массово строятся и разрастаются городки по Дону и его притокам и густонаселенны они именно новопришлыми, в некоторых из них было ничтожное количество старых казаков, в то время как новопришлые составляли по 90 -95% от общего числа жителей. Бегство с военной царской службы в те годы стало массовым и стихийным явлением. Например, военная служба под Азовом для центральной России считалась особенно ненавистной и большинством населения рассматривалась как место ссылки. Оттуда на Дон, солдаты разбегались целыми толпами. Укрывавшиеся на Дону рекруты, с началом бунта с охотой стали пополнять ряды восставших.

Наиболее активные вольные люди еще с сентября стали

собираться в Ореховом Буераке. Во главе них с самого начала стал казак Булавин, тот самый, который еще три года назад, в виде протеста сжег Бахмутские соляные промыслы, отнятые царским правительством у Донских казаков, тот самый ареста которого требовал Долгорукий за историю с дьяком Горчаковым. Булавин в Ореховый буерак созывал казаков с многих городков «думку думать».

В ночь на 9 октября 1707 года Булавин с отрядом в 200 человек, атаковал Шульгинский городок, в котором находился Долгоруков и вырезал практически всех, включая и самого царского полковника. Так началось Булавинское восстание.

В ту ночь 9 октября повстанцы пытались покончить и с казачьими старшинами, сопровождавшими отряд Ю. Долгорукова и оказывавшие ему непосредственную помощь в поимке и переписи новопришлых людей. Повстанцы кричали, ища их по городку: «Черкасских старшин бить до смерти!», так – те старшины «в одних рубахах выскоча из окон едва живыми ушли». За ними было организовано преследование, но под покровом ночи их так и не нашли. Позже восставшие узнали, что бежавшие старшины скрываются в Старом Айдарском городке, за ними ринулись туда, но старшинам и на этот раз удалось избежать расправы. Все, же позднее, а именно через полгода в мае 1708 года все они были казнены по решению собранного в Черкасске военного казачьего круга. Особенно ненавистно для восставших было имя старшины Ефима Петрова, убежденного и яркого привержен-

да царского правительства. Еще при подготовке к восстанию, будучи в Ореховом буераке его участники уже называли имя Петрова наряду с именем полковника Ю. Долгорукова, как заранее приговоренных на смерть. О самом намерении Кондрашки Булавина напасть и вырезать отряд Долгорукова узнал один из шульгинских атаманов и послал письмо об этом с казаком Новиковым к одному из старшин, находящемся при полковнике. Новиков сообщил, что письмо доставил старшине Савельеву, но сам перешел к восставшим, передал письмо одному из булавинских есаулов и сам участвовал в нападении. Вместе с полковником Долгоруковым было убито 17 человек, среди них князь Семен Несвицкий, капитан Арсеньев, майор Булгаков и другие правительственные военные. Как позднее извещали Посольский приказ уцелевшие от расправы войсковые старшины, а так же офицер Арсеньев брат погибшего капитана из отряда Ю. Долгорукова в Азов губернатору Толстому о гибели своего начальника, что убийцами были «новопришлые люди, которые бежали из разных городков от розыска». Нападение на отряд Долгорукова в Шульгинском городке произвели «многие гуляющие русские люди» во главе коих, был Кондрашка Булавин с товарищами своими Иваном Лоскутом и Григорием Банниковым. Воевода Волконский заявлял, что бунт этот начался от беглых крестьян, которые убегают из своих волостей из — за гнета помещиков, но больше всего от военной мобилизации и службы. Анализ документов первого месяца восста-

ния, а именно октября 1707 года подтверждает, слова войсковых офицеров из отряда Ю. Долгорукова, что основной силой восставших являются «новопришлые люди», бежавшие из казачьих городков от начатого Долгоруким розыска, и множества «гуляющих русских людей предались бунту». В ту же ночь 9 октября восставшие не задерживаясь покинули Шульгинский городок.

К 12 октября Булавин пришел в Старый Боровский городок, где был встречен хлебом, вином и медом и проведен в станичную избу к атаману и его старшинам. Там Булавин произнес перед собравшимися речь, обрисовав широкий план всего восстания, наметив с наступлением весны поход на Воронеж и Москву, когда сил для столь славного похода соберется достаточно. Во время горячих, застольных речей не случайно и не раз вспоминали Степана Разина, тем самым официально и публично подчеркивая общую связь двух народных движений с сорокалетней разницей. Тем более с восставшими был и некогда разинский сподвижник пожилой Иван Лоскут, который с досадой говорил, что Степан Тимофеевич «без ума своего, свою голову потерял», надеясь учесть при этом пережитый горький опыт и помочь восставшим в избегании и недопущении прошлых ошибок в великом будущем деле. Именно ненависть к представителям и хранителям крепостнического строя и к правительственному, карательному аппарату ярко выраженного феодального государства вылилось в убийство Ю. Долгорукова,

сопровождавших его офицеров и в последующие казни каза- чьих старшин. Будучи не в силах понять основу социальной природы царской власти как таковой и отражая лишь патри- архальные настроения преимущественно крестьянства, вос- ставшие руководствовались в своих поступках обычным, да- же примитивным моральным мериллом, а именно, «добрые люди» и «худые», «неправильные», «злые супостаты». Отсю- да и холопско – царистская психология, а именно вера и на- дежда в доброго царя, которая загубила не одно к тому вре- мени народное негодование против притеснителей. К сожа- лению, эту психологию не поможет перепрощить и живой, деятельный свидетель прежних пережитых им ошибок и ве- ликих неудач. Было ведь если помните уже и не раз:

Грешен тем, что в мире злобства был я добрый остолоп.

Грешен тем, что враг холопства, сам я малость был холоп.

Грешен тем, что драться думал за хорошего царя.

Нет царей хороших, дурень... Стенька, гибнешь ты зазря!

Собравшиеся бунтовать казаки еще не понимали или не хотели осознать того, что после взятия Азова при их непо- средственной помощи, царским правительством уготовано новое для них государственное положение, а именно статус военных рабов и с их былой волей считаться никто не наме- рен, а их переформация из людей вольных в закабаленных служак лишь вопрос времени, пусть и по бюрократически растянутый, медлительный и тягучий. Да, бесспорно казаки являлись основной движущей силой всего булавинского вос-

стания, но само казачество к тому времени было уже давно не единым социальным пластом. Среди них были, и богатые и бедные и это расслоение с годами только увеличивалось. Можно с уверенностью сказать, что если домовитые казаки и участвовали в восстании, то только как душители и усмирители проявления воли угнетённых, при чем наравне, и ни в чем, не уступая, а особенно в жестокости правительственными войсками и царскими карательными отрядами. Вот они то и усвоили для себя уроки прошлых лет, когда домовитое казачество, убедившись в том, что движение «гулящей голытьбы» напрямую угрожает их шкурным интересам выдали Степана Разина палачам на растерзание.

Основными участниками и движущей силой восстания помимо основного рядового казачества были и станичные атаманы. В основном они не принадлежали к старшиной группе, из лиц, которых избирались общие войсковые атаманы, но являлись как бы администрацией на местах, связанные с управленческим центром, расположенным в то время в самом городе Черкасске. К этой группе атаманов изначально относился и сам Кондратий Булавин, который с 1704 года был бахмутским атаманом. Восставшим сочувствовала основная, большая часть населения Дона, но многие из атаманов сочувствовали, но колебались в своем отношении и участии в самом восстании. Например, атаман Матвей Медведь собрав около 500 человек, так и не решился примкнуть к Булавину.

После того как был учинен разгром и убийство Долгорукова, отряд капитана С. Хворова находящийся в то время в станице Алексеевской на Хопре, запросил защиты у ее атамана Игнатия Крючка. Тот отвез весь отряд в Усть – Бузулукский городок, но бузулукские казаки отказались у себя принять капитана Хворова с его отрядом и недвусмысленно советовали, атаману с ними расправится. Они ему говорили так: « у нас по Хопру реке ездили такие розыщики, так мы с ними уже управились, отвезли их вон в монастырь так с ними и князь их Долгоруков не хуже убран. А к нам – то их накой возить?!» Игнатий Крючок повез бедолаг обратно в Алексеевскую станицу, но не решался расправиться с капитаном С. Хворовым и другими офицерами из карательного отряда Ю. Долгорукова уклонившись от своего в том участия. Солдат он предупредил: «учинится ночью возмущение и крик... бегите и укрывайтесь в лесу». Крик действительно учинился и солдаты разбежались. Позже Хворов был убит в станице Акишевской вместе с войсковым старшиной Василием Ивановым, поручика Беднякова вновь вернули в станицу Алексеевскую и там утопили.

Весьма осторожничал и атаман станицы Федосеевской, Федор Дмитриев, изначально взявший под свою защиту царских офицеров Тенебекова и поручика Ладыгина, но не смог их уберечь от разъяренных казаков и они были изрубленными утоплены. За это дело позднее был арестован сам атаман Дмитриев и замучен в застенке Преображенского приказа.

Не знал, как поступить и к кому примкнуть атаман Шульгинского городка, Фома Алексеев, у которого в городке и вспыхнул изначально вооруженный мятеж. Его сын еще в сентябре ушел к Булавину, а сам атаман к восставшим так и не примкнул, но и отказался ехать по приглашению Ю. Долгорукова, на выслушивание государева указа обязывающего производить сыск и перепись беглых людей на Дону. Атаман станицы Акишевской, Прокофий Никифоров, погиб вместе с офицером Хворовым из отряда Ю. Долгорукова, пытаюсь защитить его от расправы, так и не разобравшись, сам в себе, на чьей он стороне.

На самом первом этапе восстания, открыто в нем участвовало порядка 200 человек. Буквально через каких – то три – четыре дня, когда Булавин вошел в Старый Боровский городок, у него в отряде насчитывалось порядка 1000 бойцов и войско продолжало расти. Малые казацкие городки по верхнему Дону стали активно переходить на сторону повстанцев. Однако войско еще не было настолько сильно. 18 октября приняв первый бой на речке Айдар, с походным войском атамана Максимова и Петрова укрепленное многочисленной калмыцкой конницей близ Закотенского городка потерпели поражение, хоть и бились до самой поздней ночи. Тогда часть восставших, в основном недавних крестьян разбежалось, другая часть сдалась атаману Лукьяну Максиму, некоторые были захвачены в плен калмыками. Сам атаман Булавин с Лоскутом и Банниковым, вырвавшись из окруже-

ния, пойманы не были и скрылись на Хопре. Оттуда они перебрались в Запорожскую Сечь и часть зимы провели в крепости Кодак на берегу Днепра. Той зимой с Кондратием Булавиным находились всего 12 верных сподвижников. В начале февраля к нему приехало еще около 40 человек с Дона.

Сама расправа над взятыми в плен повстанцами носила зверский устрашающий характер. Как доносил сам войсковой атаман Лукьян Максимов «носы срезали более чем 100 человекам иных плетью били нещадно и в города русские под конвоем выслали, некоторых из зачинщиков порядка 10 за ноги на деревьях повесили для устрашения перед их станицами еще 10 к себе в Черкасск отвезено для казни». Как докладывал в Москву Максимов со своими старшинами, что «воровство Кондрашки Булавина мы искоренили, теперь будет во всех казачьих городках смирно» Так они видимо действительно считали, но восстание далеко не было подавлено, а взяло паузу для зимовки.

ВТОРОЙ ЭТАП БУЛАВИНСКОГО ВОССТАНИЯ.

После того как Булаvinу удалось выйти из окружения на Айдаре, он с близкими ему людьми октябрь – ноябрь скрывался в лесных чащах Хопра, Бузулука и Медведицы, оттуда удалось перебраться в Запорожье, где кошевой Тимофей Финенко с куренным атаманом предложили Булаvinу перезимовать в Кодаке. В январе Булаvin отправился в Запорожскую Сечь, поездка та была видимо связана с грамотой Мазепы, который требовал от кошевого атамана выдачи

Булавина. На войсковой раде было решено выдать Булавина, но на следующий день войсковая рада переменяло свое решение «бросили и изодрали» гетманскую грамоту и говорили, что в войске Запорожском никогда такого не бывало, чтобы выдавать властям бунтовщиков. За то, что кошевой атаман Финенко пытался задержать Булавина в Сече, его с атаманства скинули и выбрали атаманом Константина Гордеенко, который разрешил в свою очередь набирать Булавину «охотников» для продолжения своей борьбы. В Москве получив тревожные известия от воеводы киевского Д. Голицына, что Булавин собирается с единомышленниками своими и хотят идти на Русь бить бояр опечалились. Мазепа так же сообщал, что Булавин находится близ Самары, и сделал там крепость, которую невозможно разорить ружьем, а необходимы пушки. Центром движения восстания стал Пристанский городок, куда со всех сторон и стали стекаться восставшие. Сам Пристанский городок находился на берегу Хопра. Позднее, после подавления восстания, жителей мятежного городка как в принципе и большинства других населенных пунктов по Хопру будет ждать печальная участь. Многие будут казнены, основная масса населения принудительно расселена по обширным донским степям или угнана обратно в Россию на возделывание помещичьих наделов. Сам городок сравнивают с землей, на его месте будет отстроена крепость Хоперская, с царским гарнизоном, позднее преобразуясь в город Новохоперск.

К марту в Пристанском городке собралось многотысячное войско, как описывают очевидцы, были сформированы отряды повстанцев в основном по 500, 300 и 200 человек. Пока отряды в схватки не вступали, а занимались в основном, как сейчас бы сказали, диверсионной деятельностью, а именно «отгоном лошадей» с государственных дворов под Тамбовом, ездили с агитационными целями по селам и деревням, разбивали воеводские дворы и приказные избы, всячески препятствовали снабжению основных правительственных войск.

До подхода Булавина к городку, там энергично и довольно таки успешно действовал атаман Хохлач, находившийся в постоянной с ним переписке. На письмах и на агитационных посланиях или как их называли в то время «преlestных письмах» остановимся более подробней, так как они играли огромное значение и действовали убедительной пропагандой и на казаков, и на крестьянское население во многих уездах центрального Черноземья России. Воззвания к казакам призывали их вставать «сыну за отца, брату за брата и другу за друга, стоять и умереть за одно, ибо супостаты зло на нас помышляют, жгут нас и казнят напрасно...». Восставшие вzywали, чтобы половина казаков с каждого куреня была готова к походу и чтобы казаки из станиц съезжались на совет в Пристанский городок. Среди зажиточных, домовых казаков предпринимались, ответные попытки объединиться против восставших и в противовес булавинским

агитационным письмам они рассылали по казачьим городкам свои, в которых предлагалось высылать по 110 человек от каждого городка в станицу Усть – Медведицкую для сборов на борьбу с ворами и смутьянами.

Сами воззвания по казачьим городкам и по русским деревням и селам были полны ненависти к угнетателям, к злым боярам и царским прибыльщикам. Так помещичьи и монастырские деревни Тамбовского и Козловского уездов были полностью охвачены восстанием. В деревнях восставшие крестьяне хватали обученных грамоте подьячих и заставляли читать во всеуслышание «воровские письма», призывавшие местное население к аресту дворян и тех же подьячих и отправки их в центр восстания.

Повстанцы, что в письмах своих, что в словесных агитациях всегда подчеркивали, что им нет дела до солдатни и драгун, их дело воеводы и начальные люди. В литературных архивах еще сохранились живые тому свидетельства, например «Воззвание от Кондратия Афанасьевича Булавина и всего съездного войска» из Пристанского городка «к посадским торговым людям и всяким черным людям» Съездное войско заверяет вас люди посадские, торговые и всякие черные работяги, обиды от нас никакой не опасайтесь, мы призываем вас лишь стоять с нами за одно, «между собой вражды никакой не чинить, напрасно никого не бить, не грабить и не разорять».

В письме к воеводе С. Бахметьеву, Булавин вновь упоми-

нает: «нам нет дела до торговых людей». Атаман Донецкого городка Колычев, так же заявляет, чтобы купеческие люди шли в Черкасск и на Дон и вели там торговлю без всякого на то опасения.

Не менее 15 —ти писем было обращено и к самому царю Петру от повстанческого Войска Донского, именно от Булавина с его соратниками, но целью их были благородные мотивы, а именно спасти Дон от полного разорения. Булавин, как и Хохлач, и Колычев просили царя отозвать полки и карательные отряды, выдвинувшиеся на Дон для их усмирения.

Изначально в своих письмах казаки ставят вопрос о защите своих прежних укладов и традиционных порядков на Дону. Эта тема затрагивается в девяти сохранившихся письмах, полных стремления утвердить в казачьем Войске, все по-прежнему, по казачьим обыкновениям, по старинке, «Чтоб у нас в Донском казачьем Войске было все по-прежнему, как при дедах и отцах наших». В одном из последних писем скрыто условие, при котором казаки согласны оставаться верноподданными Государя, а именно если царь подтвердит соответствующим указом и милостивой грамотой не только свое милосердное прощение, но и казачье право «жить по-прежнему», по казачьим традициям и обычаям.

Еще одним оплотом восставших стал город Борисоглебск, в Воронежском уезде, расположенный на реке Вороне. Повстанцы туда зашли в начале апреля, Борисоглебский воево-

да не стал дожидаться расправы и бежал из города еще в марте. До их прихода городскими делами управлял Филимон Катасонов. Повстанцы собрали всех жителей на городской площади и «учинили казачий круг», на котором из местных жителей, самими жителями был выбран городской атаман. Главой Борисоглебска стал Кондратий Кожевников, а его есаулом избрали Семёна Поробина. С этого времени в городе стали начальствовать выборные атаманы и есаулы. Борисоглебск после этого еще долго считался «бунтующим городом», так в октябре, воевода Г. Волконский писал А. Меншикову: « городок Борисоглебск, как и весь уезд до сих пор с ними с ворами в бунте пребывает». После взятия Борисоглебска восставшие двинулись на Тамбов. Воевода Д. Голицын писал царю Петру, что, мол, восставший вор Хохлач, с множественным войском разорил все прилегающие к Тамбову села, а сам город взял в осаду. Многочисленное городское население, получив для защиты города порох, не осталось в городе, а вышло из него и разбрелось по деревням и селам. Вероятно, на них подействовала словесная агитация казаков и общая сложившаяся к тому времени обстановка. Хохлач держал Тамбов в осаде порядка двух недель, после чего был вынужден от города отойти, так как к нему в экстренном порядке стягивались правительственные полки воеводы С. Бахметьева и курского воеводы А. Гагарина. Большинство крестьянского населения Тамбовского уезда было на стороне или сочувствовало восставшим. Многие

крестьяне из тех мест еще годом ранее бежали на Медведицу и не Хопер, где в то время укрывали и не выдавали беглых. Так в 1708 году практически все жители села Талецкого перешли к Булавину, оставшиеся же крестьяне были весьма доброжелательно к восставшим настроены.

К 1708 году Булавинское восстание Донских казаков стало приобретать все основные признаки крестьянской войны. Очаг восстания разрастаться с огромной скоростью и охватил не только Дон и Придонье, но и Украину, Поволжье и большинство уездов центральной России. Во всех приграничных с Доном областях крестьяне стали выступать совместно с булавинцами. Затрепетали помещики по Воронежским, Тамбовским, Козловским, Симбирским, Белгородским, Пензенским и Шацким уездам. Самостоятельно выступают отряды под командованием крестьянских атаманов Гаврилы Старченко на Волге, крестьянские отряды Боровиченко, в Каширском и Ярославском уездах. Активно действуют отряды атамана Сеченого в Галицком уезде, а также огромное множество малых партизанских отрядов. Самостоятельный крестьянский атаман Гаврила Старченко в течение нескольких лет оставался грозой на Волге в районе от Костромы до Нижнего Новгорода. Воеводы жаловались в своих челобитных царю: «Старченко захватил все дороги по Волге и по суши, от чего нет проезда, ни на ладьях, ни на лошадях». Помещики бежали из своих разграбленных поместий, ища спасения и защиты от своих вос-

ставших крестьян за стенами укрепленных городов. Отряды Гаврилы Старченко вступали в бесстрашные вооруженные столкновения и с войсками вотчинной администрации и с правительственными подразделениями. Десятитысячное войско восставших выступало по всем правилам военной мысли того времени, используя и пушки и знамена, а приказы командиров дублировали барабанщики грамотным барабанным боем. По Волге Старченко ходил впереди своей флотилии на раскрашенном казацком струге и близ Нижнего Новгорода, напав на караван царских судов, захватил крупный полковой арсенал.

Сам царь Петр весьма опасался того, чтобы Булавин «не возмутил и азовских солдат», о чем не раз писал В. Долгорукову, а губернатора Азова спрашивал в письмах: «Ежели Черкасский городок не удержится, имеешь ли надежду на своих солдат?» Насколько далеко распространились отголоски казачьего восстания от его центра, может служить тот исторический факт, что кто – то ночью в мае «воровскими призывами» исписал ограду Нижегородского Кремля. Все эти надписи красовались на заборе Кремля больше месяца и волновали умы местного населения, так как растерявшийся городской воевода Никита Кутузов не знал что – предпринять, кроме как приставить к надписям часовых и ждать распоряжений из центра, как ему поступить. Царь Петр писал по этому поводу: «воровские подписи... не мешкав стереть», «а ты воевода Кутузов дурак... надо бы учинить тебе

наказание...» Да видно с замиранием сердца ждать директив из центра, есть основная профессиональная черта русского чиновничества на все времена.

ПОХОД на ЧЕРКАССК

На основном казачьем круге, было принято решение выдвигаться походом на Черкасск, через Паншин городок, как сухим, так и водным по Хопру путем.

Готовясь к походу на Черкасск, Булавин рассылал письма и призывал хоперских, бузулукских и медведицких казаков и бурлаков собираться в Пристанском городке. Хохлач так же писал письмо в станицу Усть – Бузулуцкую чтобы всех пришлых туда бурлаков отсылали к нему в Пристанский городок. Оттуда к нему явилось множество казаков, и бурлаки, среди которых были и пешие и конные были присланы все поголовно. Около Булавина еще с самого начала 1707 года собралось множество бурлаков, как их называли, «бесконных, безоружных и безодёжных».

Правительство стало принимать ускоренные меры по борьбе с восставшими. В Москве были созданы крупные военизированные подразделения для усмирения бунтовщиков и отправлены под Тамбов. Командующим над отрядами был поставлен воевода С. Бахметев. По пути следования к нему было еще прикомандировано около 500 драгу и примерно столько же солдат из Воронежа. Ну и этих мер царю Петру показалось не достаточно, и он в экстренном порядке, а именно в апреле вызывает гвардии майора

В. Долгорукова приходившемуся младшим братом убитого казаками Ю. Долгорукова. Все наличные полки Бахметева поступали в распоряжение нового командира Долгорукова, к нему из Москвы было направлено еще два драгунских полка. Так же на борьбу с восстанием была отправлена бригада Шидловского, по половине Ахтырского и Сумского полков. Мазепой был послан Полтавский и Компанейские полки. Позднее царь Петр отправил на восставших дополнительно драгунский полк Кропотова, Ингерманландский и Бельсов полки и батальон Преображенского полка во главе с майором гвардии Ф. Глебовым. Кроме всего прочего правительство провело мобилизацию среди служилых людей, освобождая от нее лишь престарелых и калек. В. Долгорукову было предписано набирать себе дворян и царедворцев сколько их, возможно, сыскать в Москве. Правительство в целом возлагало не малые надежды именно на дворянское ополчение. Будучи непригодными вследствие своей технической отсталости в войне со шведами, дворяне являлись грозной силой в войне гражданской, благодаря своим шкурным интересам, на почве коей возникала классовая их сплоченность на общем фоне страха и ненависти перед восставшими. Под начальством В. Долгорукова была собрана внушительная вооруженная сила в количестве около 32 тысяч человек. Столь внушительное количество показывает, насколько серьезно правительство оценивало масштабы восстания. Для сравнения в то самое время, а именно в начале Северной войны

вся русская армия насчитывала менее 40 тысяч военнoслужащих.

В самом Черкасске войсковой атаман Максимов так же провел мобилизацию среди низового зажиточного казачества, к ним для усиления прибыл военный отряд полковника Васильева из Азова и отряды конных калмыков. В таком составе объединенный отряд выступил из Черкаска навстречу восставшим. Встреча двух воюющих сторон произошла 8 апреля немного выше Паншина городка, на реке Лисоватке. Верховые казаки не ринулись сломя голову в бой, а решили провести с восставшими казаками переговоры. На следующий день к ним в стан явился от Булавина парламентар и от его имени предложил избежать напрасного кровопролития разобраться и найти виновных. При внезапной атаке передовой булавинской конницы, верховые казаки практически в полном составе перешли на сторону восставших. Остальные были разбиты и рассеяны. Сам Лукьян Максимов отошел в Черкасск, а Васильев с остатками отряда укрылся в Азове. После той победы, путь на Черкасск был открыт и восставшие Булавинские отряды, двинулись в главный город Великого войска Донского.

Узнав о победе Булавина и его походе к Черкасску, царь Петр пишет В. Долгорукову, чтобы тот как можно быстрее спешил на Воронеж и следил за тем, чтобы ничего не случилось в Азове и Таганроге. Положение было настолько серьезным, что решили распустить слух о личном походе царя про-

тив восставших. Это было нужно, прежде всего, как определенного образа тактическое действие с расчетом оказать идеологическое воздействие на восставших. Как бы устроящая их царским гневом внести в их ряды раздор и распри.

28 апреля передовые булавинские отряды вышли к Черкасскому так называемому острову. Само географическое расположение города с его укреплениями, усиленные башнями и артиллерией делали его практически неприступной крепостью. Но брать штурмом город не пришлось, так как еще до этого Булавину было направлено письмо от казаков «Милости просим. Когда ты изволишь к Черкасскому приступить?» Письмо означало, что путь к Черкаску для него открыт. В самом городе к этому времени произошел переворот, сместили атамана Лукьяна Максимова и 1 мая вошедшему в город Булавину выдали его вместе со знатными старшинами, сопровождавшими Ю. Долгорукова и оказывавшими ему всяческую поддержку при розыске пришедших по донским городкам. Множество знатных старшин было арестовано и посажено «на цепь», а некоторых вместе с семьями разослали по самым верхним городкам.

9 мая 1708 года на общем казачьем сходе Кондратия Булавина выбирают войсковым атаманом. Первый этап восстания закончен. Главный город Войска Донского взят, ненавистные старшины, предавшие, новопришедших и беглых – казнены, избран новый повстанческий атаман, который устроит чаяния и надежды и рядового казачества и новопришедшего насе-

ления, так мечтающего о донских вольностях.

Булавин решает попробовать укрепить свое новое положение законно выбранного войскового атамана в глазах московского правительства и царя. К тому времени он развивает кипучую административно – организационную деятельность, которая отражена в содержании его майских писем. Он спешит укрепить связи Войска Донского с Запорожской Сечью, с Кубанью и с калмыками. Он пишет царю, пишет в Посольский приказ, а так же многим царским воеводам. В качестве войскового атамана он требует, чтобы с Воронежа ему доставили казацкое жалование, а из Донецкого городка прислали артиллерийский запас. Посылает азовскому губернатору Толстому ультиматум о выдачи имущества казенных старшин находящиеся на хранение у определенных лиц в Азове. Пишет ультиматум, Киевскому губернатору предлагая немедленно отпустить из Белгорода арестованных жену и сына.

Сподвижники Булавина не бездействуют, а так же рассылают множество писем. Так атаман Колычев сообщает в письме воеводе Тевяшову о исполнении приговора казацкого суда и казни старшин и о законном избрании Булавина, изображая тем самым события на Дону как «ссору между собою», и просит сообщить в Москву, чтобы не предпринималось никаких репрессий со стороны правительства, так как Донские казаки желают служить великому государю Московскому и чтобы правительство отправляло «государевы при-

пасы» на Дон и чтобы торговые люди без всякого опасения приезжали торговать со своими товарами.

Между тем восстание растет и ширится и повстанческое руководство отдает приказ 13 мая выступать на защиту донских городков и населения, на которые с разных сторон надвигаются правительственные войска. На совете было решено разделить силы восставших, так Некрасов пойдет в направлении Хопер – Волга, Дранный выдвигается по направлению к Изюму, Голый, на линию Острогожск – Воронеж. Между атаманами идет постоянная переписка и согласование общих действий. Так атаман Иван Павлов, осадивший Царицын, обращается за поддержкой к камышенцам, другой атаман Носов сообщает Некрасову о выдвижении воеводы П. Хованского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.